

Библиографический список

1. **Никовская Л. И.** Особенности публичной политики в России / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Журнал политической философии и социологии политики «Полития» – № 1. – С. 30–51.
2. **Никовская Л. И.** Публичная политика в России: состояние, проблемы и альтернативы развития / Л. И. Никовская, В.Н. Якимец // Публичная политика в современной России: субъекты и институты. – М. : ГУ ВШУ, 2006. – С. 27–41.
3. **Якимец В. Н.** Индекс для оценки и мониторинга публичной политики / В. Н. Якимец. – Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. – М. : РАПН, РОССГЭН, 2008. – С. 107–121.
4. **Патнэм Р.** Процветающие комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь / Р. Патнэм // МЭиМО. – 1995. – № 4.
5. **Якимец В. Н.** Индекс для оценки и мониторинга публичной политики в регионах России / В. Н. Якимец // Труды ИСА РАН. – 2006. – Т. 25. – С. 138–146.
6. **Nikovsky L.** New Approach to studying and measuring a Public Policy Status / L. Nikovsky, V. Yakimets // Evolution and Revolution in the Global Knowledge Economy: Enhancing Innovation and Competitiveness Worldwide : Proceedings of the GBATA 10th Annual International Conference (July 8–12, 2008). – Madrid, 2008.

**ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ И МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА
(на примере Курской области)**

**М.А. Молокова
(Россия, Москва)**

Аннотация. *Рассматриваются проблемы, связанные с анализом процессов, происходящих в публичной политике на региональном уровне. По результатам собственного исследования выявлены типологии и особенности указанной проблемы на примере Курской области.*

Annotation. *The article deals with the problems connected with the analysis of processes, occurring in a public policy on a regional level. The author gives the results of her own research, revealing typology and peculiarities of the specified problem on the example of the Kursk region.*

Ключевые слова: *публичная политика, местное сообщество, власть, регион.*

Key words: *public policy, local community, power, region.*

Предложенный курс на системную модернизацию на основе демократических ценностей закономерно выдвигает на первый план вопрос о характере взаимоотношений государства и гражданского общества в публичной сфере, в рамках которой и совершается процесс совместной выработки решений по общезначимым социальным проблемам, затрагивающий многие аспекты той сферы, в которой осуществляется диалог. Эта сфера получила название публичной. Последнее можно определить как ту область общественной жизни, в которой происходит формирование такого явления, как общественное мнение [2]. По мнению Ю. Хабермаса, публичная сфера опосредует отношения между государством и обществом и позволяет сформироваться публике как проводнику общественного мнения. Соответственно, принцип публичности сделал возможным демократический контроль над деятельностью государства. Понятие «публичная сфера» тесно связана с активно функционирующей «демократической общественностью» (*Öffentlichkeit*), термином, разрабатываемым Ю. Хабермасом в его критической теории общества. Это понятие представляет собой своеобразный отклик на констатацию факта глубокого и острого общественного разногласия, характерного как для современных западных демократий, так и для российского общества. Изменение «го-

ризонта легитимности» и нашло свое отражение в обращении социологов к феномену публичной политики и пространству публичной сферы.

«Общественность» Ю. Хабермаса подразумевает публичную сферу критической дискуссии. Формирование буржуазного («гражданского») общества как сцепление частных интересов, высвобождающихся из-под господства сословных ограничений, приводит к возникновению института общественного мнения, принимающего на себя политическую функцию консолидации интересов граждан и критического контроля над использованием властных полномочий. Создается автономная публичная сфера (по мысли немецкого социолога, эти объединения общественности должны возникать спонтанно из повседневных практик и иметь проницаемые границы), предохраняющая процесс свободной самоорганизации равноправных субъектов от вмешательства государственных и сословных интересов [3]. Ее основное оружие – убедительный аргумент.

Обобщая вышесказанное, можно определить сферу публичности как ту область общественного пространства, в рамках которой реализуются отношения между гражданским обществом как системой по преимуществу горизонтально выстроенных структур, служащих формированию и защите групповых интересов, и политической властью, ее юридическими, силовыми и административными институтами.

Графически место публичной сферы в общественной системе можно изобразить следующим образом (рис. 1).

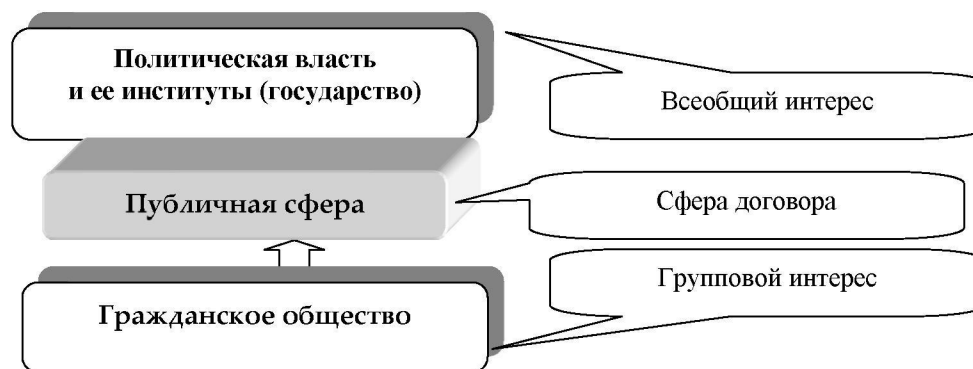

Рис. 1. Публичная сфера в общественной системе

Стрелки, идущие сверху, символизируют государственную политику, а идущие снизу – групповые интересы и ожидания. Пространство соприкосновения и перекрещивания, с одной стороны, устремлений институтов власти, с другой, интересов и ожиданий гражданского общества (овал) образуют то, что можно считать публичной сферой.

Полного совпадения между импульсами, поступающими сверху и снизу, не бывает. Оно невозможно и потому, что действия политических институтов и структур гражданского общества отражают не только общие, но и групповые интересы, и потому, что «возможности политических институтов обычно уже, чем ожидания гражданского общества, ибо ограничиваются совокупностью объективных обстоятельств» [6]. Вместе с тем для функционирования и жизнестойкости общественной системы необходим определенный уровень корреляции между государственной политикой и гражданскими ожиданиями. Обычно он достигается в результате противоречивого переплетения оппонирования и поиска компромиссов.

Поле публичной сферы как пересечение взаимных интересов и ожиданий, идущих как «снизу», от «низовых» общественных процессов, так и «сверху», от государства, демонстрирует свойство *пульсации*: оно может сужаться, сокращая границы взаимных пересечений, вплоть до вытеснения, а может расширяться, актуализируя потенциал многообразных общественных интересов. Следовательно, публичная сфе-

ра – это функция от определенного содержательного этапа истории, его культурно-исторического контекста.

Так, во времена советской индустриализации государство полностью выдавило квазигражданское общество из поля публичной сферы, замещая его тотальной номенклатурно-бюрократической мобилизацией, предельно монополизировав социальный капитал и таким образом решая краткосрочные задачи раннеиндустриальной модернизации. Но фасад квазипубличности все же оставался: власть не хотела до конца разрывать связь с обществом. Народ имел определенные политические, социальные права. Понятия социальной справедливости и общественных интересов встраивались в механизм консолидации политической системы.

Но когда были истощены возможности такого рода развития, система пришла к тупику. Изменилась общая эволюционная ситуация, мир перешел к иным технологиям развития. Качество человеческого и социального капиталов становится главным фактором развития экономики развитых стран и регионов. В первой трети XXI столетия наиболее высокие темпы роста прогнозируются в высокотехнологичных отраслях, включая информационно-коммуникационные био- и нанотехнологии. Соответственно, пространство публичного поля потребовало иных субъектов и «правил игры» между ними. Иной стала и роль публичной политики: она становится важным фактором конструирования новых смыслов и стимулов активности, важным элементом политического участия, все больше требуя конкуренции и конструктивного взаимодействия [11]. Тогда поле публичности стало действительно расширяться, так как только в его рамках возможны появление и селекция каких-либо социальных инноваций. И общество было вынуждено искать иную модель общественного развития. Таким образом, пульсирующий характер публичной сферы – очень важный содержательный показатель, во многом предопределенный эволюционными задачами технологического и социально-экономического процессов и конкретными культурно-историческими реалиями его воплощения.

В условиях глобализации и информационного взрыва, перехода к инновационному типу развития сложно и неоднозначно кристаллизуются социальные интересы, рождаются новые социальные регуляторы и институты. Мир вступил в новую ступень цивилизационного развития. Это не могло не отразиться на существенных характеристиках в системе гражданского общества: резко возросла эмансипация личности от государства, сократилось пространство его командного воздействия, произошло энергичное развитие и усложнение горизонтальных социальных связей, сплетение многообразных гражданских институтов и движений в целостную сеть. Это предопределило поиск адекватных моделей взаимодействия государственных структур и гражданского общества в рамках представительной демократии. Именно в это время в западной мысли наблюдается колоссальный интерес к концепту публичной политики, поскольку исторически она возникла на волне дискуссии о повышении эффективности государственного управления и, самое главное, расширения возможностей участия гражданского общества в политическом процессе. Так, английский исследователь Род Роудсон в своей известной статье «Новый метод управления: управление без правительства» [9] рассматривает разнообразие смыслов нового метода управления (governance) и демонстрирует возможности его применения при анализе правительственных структур в Великобритании. Актуальность данного понятия, по его мысли, состоит в том, что необходим поиск новых принципов государственного управления в условиях глобализации, изменения роли государства и общества в развитых странах.

Проведенное масштабное социологическое исследование в 2009 г. в рамках проекта «Индексы оценки состояния гражданского общества в регионах современной России» позволило выявить особенности состояния публичной сферы и публичной политики на региональном уровне посредством специально разработанного исследовательского инструмента ЯН-Индекса. Уникальность исследования состояла в том, что количественные инструменты для оценки состояния публичной политики и ее компонентов подкреплялись качественным обсуждением ее результатов на фокус-группах с участи-

ем активных субъектов публичной сферы – представителей малого и среднего бизнеса, НКО-сообщества и региональной государственной и муниципальной службы.

Согласно выявленной типологии публичной политики в исследуемых 24 регионах России, Курская область характеризуется *центрированным типом* публичной политики, характерной также для Ярославской, Нижегородской и Амурской областей и Алтайского края (рис. 2).

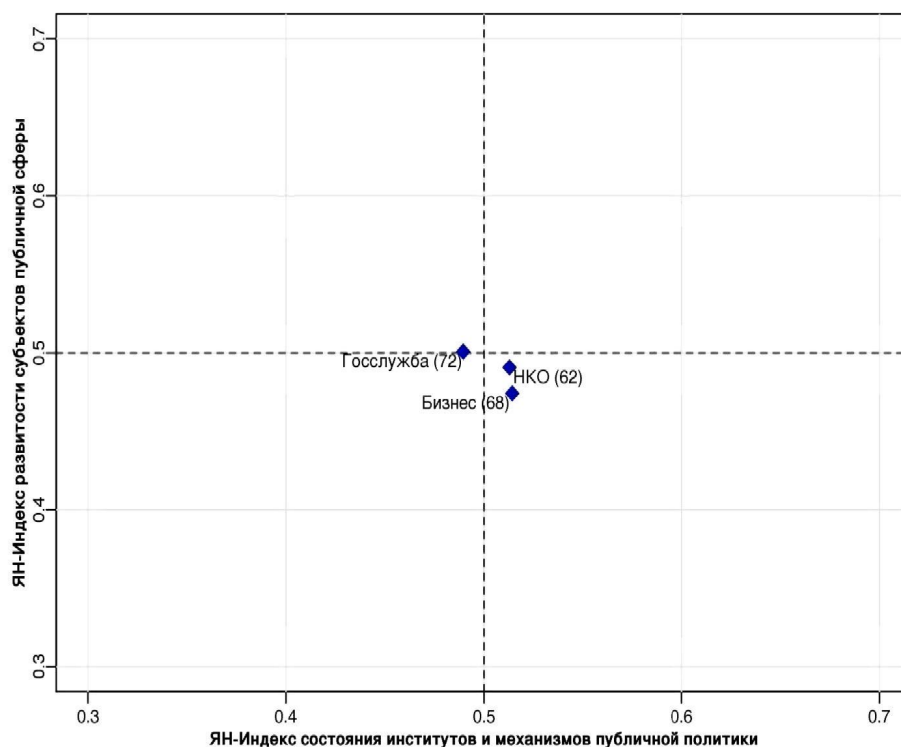

Рис. 2. Сводный ЯН-Индекс публичной политики (Курская обл., 2009)

Качественные интерпретации представителями всех трех групп – бизнеса, государственной муниципальной власти и НКО-сообщества – подтвердили полученные количественные оценки состояния публичной политики в Курской области. Представители всех трех групп продемонстрировали солидарные оценки, что говорит о сбалансированном в среднем характере проявления публичной политики в области (рис. 3).

Представители НКО-сообщества и бизнеса в целом демонстрируют позитивный настрой в плане своей реализации в публичном пространстве: *«У нас нет серьезных полярных позиций представителей управления, бизнеса и НКО, у нас действует принцип "золотой середины". И мы пришли к общему мнению, что есть определенная преемственность поколений и традиций, нет бурных волн, но и не наблюдается серьезного авторитаризма, который мы видим в соседнем Белгородском регионе. Нет жесткой иерархии, отсекающей всех инициатив, нет жестких стен, на которые мы бы натыкались. Какой-то диалог, в конечном счете, мы выстраиваем»* (из высказываний представителей НКО-сообщества).

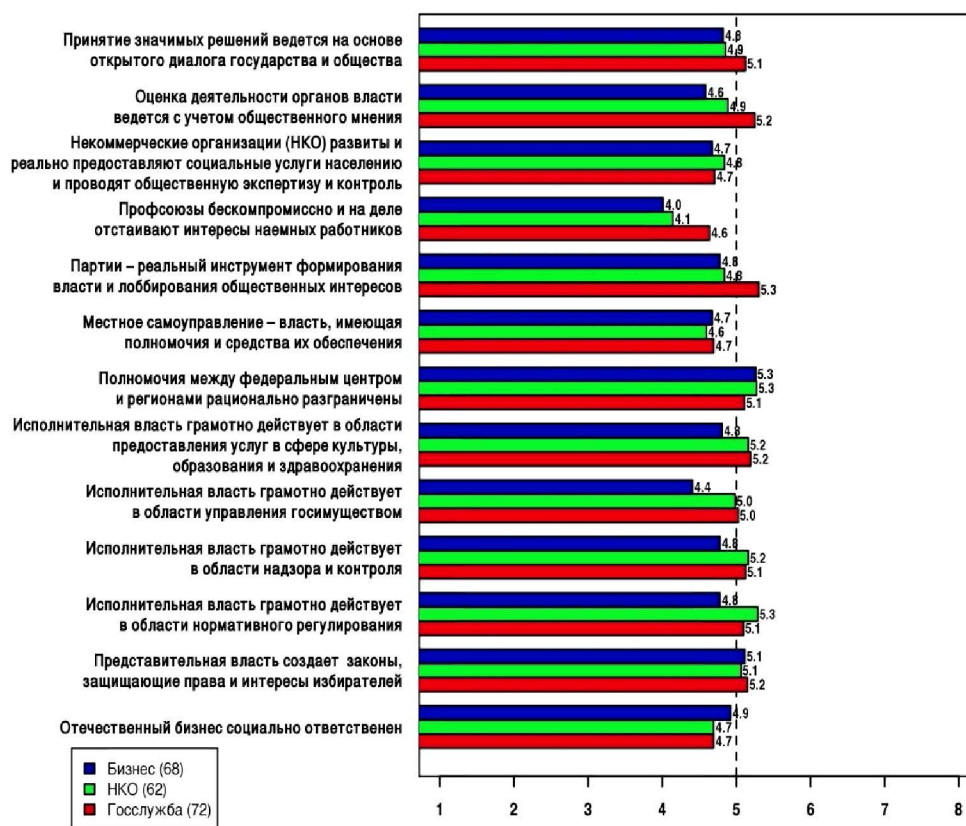

Рис. 3. Оценка развитости субъектов публичной сферы (Курская обл., 2009)

В области создана достаточная нормативно-правовая база (далее – НПБ) для развития институтов и субъектов публичной политики: принята Программа по развитию малого и среднего бизнеса, принят Закон об общественных слушаниях и экспертизе областного и городского бюджета, создана нормативная база для активной деятельности ТОСов, проведения конкурса социальных грантов. В области достаточно активно действует Общественная палата, молодежный парламент, много сильных организаций, которые вокруг себя кристаллизуют общественную и деловую инициативу: «Опора России», «Интеллект-клуб», создается масса обществ по интересам – такая хорошая организация, например, как «Миллион друзей», т.е. у нас в сфере бизнеса интересные и сильные организации, ветеранские организации очень хорошие. Фонд Мира действует, и областная Дума максимально помогает ему. Общественная палата региона действует. Два года мы составляли Доклады о состоянии гражданского общества в Курской области по результатам социологических мониторингов» (из глубинного интервью с активистами НКО-сектора).

Курская область оказалась одним из благополучных регионов среди опрошенных, где социальное самочувствие представителей малого и среднего бизнеса (далее – МСБ) в условиях кризиса показывает позитивный настрой. Так, администрация Курской области проводит ежегодные областные конкурсы «Иновация года», участниками которых становятся хозяйствующие субъекты крупного, малого и среднего бизнеса. По итогам работы 2006 г. победителями конкурса из 20 участников (55 %) 11 представителей малого и среднего бизнеса [7]. В области создана и постоянно совершенствуется законодательная база, обеспечивающая гарантии имущественных прав и защиту инвестиций. В этом успели убедиться солидные инвесторы, как отечественные, так и зарубежные, вложившие немалые финансовые ресурсы в развитие различных отраслей областной экономики, в создание совместных предприятий, в

том числе в сфере малого предпринимательства. Малый и средний бизнес почувствовал реальную поддержку региональной власти и благодаря деятельности своих бизнес-ассоциаций усилил свою конструктивную деятельность: «С целью объединения интересов государства и общественных организаций мы пошли следующим путем, в этом нам ТПП помогло. Мы создали Некоммерческое партнерство – Областной Центр поддержки малого предпринимательства, и учредителями его стали общественные организации и государство. В этом случае получилась организация, в которой совпали интересы, т.е. симбиоз интересов государства и общественности. Когда деньги стали появляться, государство начало закачивать, общественные организации наблюдали, контролировали, как они распределяются. Мы все время шли на уровне малых средств, и кризис тут сыграл свою роль, у нас больших денег никогда не было, всегда было 3 млн. Сейчас 62 млн на поддержку малого предпринимательства. Эти средства в основном идут на поддержку малого бизнеса через конкурсы, на начинающих предпринимателей, там есть Программа субсидирования процентной ставки по кредитам. Фонд поручительства мы создали...»

Нет проблем у МСБ и с арендой помещений, и с их выкупом. Представители бизнеса подтвердили факт адекватности полученных оценок публичной политики: «Оценки адекватные. По поводу того, почему оценки институтов у бизнеса самые высокие. Дело в том, что тут уже замечался такой факт, у нас есть действительно демократия... Почему в Курской области сложились особо благоприятные условия для развития бизнеса? Во-первых, нет особых барьеров для входа на рынок. И власть активно поддерживает бизнес. У нас дотационная область. У нас денег много не бывает, и когда появляются инвесторы, то власть всячески поддерживает начинающих. Это происходит, в том числе, и в противовес тому периоду, когда область возглавлял Руцкой. Люди посмотрели на этот опыт и решили вести дела по-другому. Административные барьеры есть, но они существенно снижены... Но если сравнить себя с другими регионами – Белгородом, в плане юриспруденции, например, и администрации, то мы видим, что в Курске проще решать многие вопросы». Данные объективной статистики по области подтверждают позитивное социальное самочувствие представителей МСБ. За последние 9 лет практически в 2 раза возросло число активно действующих субъектов малого предпринимательства, в 10 раз увеличилось поступление в бюджеты всех уровней: с 200 млн руб. до 2 млрд руб. В 13 раз возросли инвестиции в малый бизнес, которые и составляют сейчас около 13 млрд руб.; создано около 150 тыс. новых рабочих мест, в основном в торговле и сфере социальных услуг. Ведется работа по созданию технопарка, что будет способствовать трансферу научных идей в промышленность и позволит привлечь предприятия малого и среднего бизнеса различных отраслей промышленности в эту сферу [9].

Респонденты от региональной госслужбы показали самые критические оценки состояния публичной политики в регионе. Представители бизнеса так, например, интерпретировали этот результат: «Представители власти чувствуют себя более консервативно, они не могут себе позволить вещи, которые себе может позволить НКО – эти могут наехать на губернатора, им за это ничего не будет. А сами представители власти более консервативны, у них статус такой». Представители региональной власти это связывают с большей информированностью и, соответственно, большей ответственностью за управленческие результаты. Представители госслужбы отметили наличие климата взаимной заинтересованности в сотрудничестве и партнерстве с представителями НКО и бизнеса. Группа региональной госвласти подтвердила адекватность высокой интегральной оценки состояния публичной политики в Курской области: «Мы понимаем, что не можем по 10-балльной системе свои действия оценить, но с 1985 г. опыт демократизма нам помог развивать общественные институты. Может быть, Общественная палата работает пока не на таком уровне, как хотелось бы... Но все должно происходить постепенно. Поэтому все в регионе понимают – и власть, и бизнес, и НКО, – что должен быть постепенный и поступательный характер изменения наших взаимоотношений. Оно есть, есть определенные цели и задачи, и мы их выполним... Нужно работать с населением. Мы

три года назад провозгласили программу (юридического) всеобща населения. Эта программа нигде в стране больше не работает, включая Москву».

Однако, высоко оценивая конструктивный и заинтересованный подход представителей региональной госслужбы, практически все участники отметили недостаточно высокий и активный потенциал представителей муниципальной службы региона: *«У них нет никакой обратной связи. Они более зависимы. Не сам Курск, а если возьмем любой район области, там ничего не осталось от МСУ, его просто нет. Региональное госуправление достаточно высоко развито, работает в контакте с ОП, мы все перетекаем из группы в группу, но выстраиваем какую-то политику. На муниципальном уровне этого просто нет сегодня. 131-ФЗ дает такие возможности, но нет реальной финансовой подпитки».* Помимо этого, представители бизнеса отметили особо иждивенческие и патерналистские установки представителей местного самоуправления. Представленные характеристики в отношении института местного самоуправления лишены раз свидетельствуют, что потенциал последнего практически не используется как ресурс развития российского общества. А между тем никакая модель развития России в XXI в. немыслима без раскрепощения творческой энергии народа, без эффективных структур «низовой демократии». Какую из фундаментальных проблем ни возьми – инновационное развитие, информационное или гражданское общество, формирование среднего класса и т.д. – все, так или иначе, упирается в местное самоуправление. Как ни выстраивай вертикаль государственной власти, без надежной муниципальной горизонтали она будет безжизненна. Нелепа ситуация, когда граждане свободно избирают главу государства и депутатов, но при этом не могут самостоятельно решать, как обустроить жизнь в своем дворе, квартале, населенном пункте. Ненормально, когда на низовом уровне, где, по мнению социологов, решается до 4/5 всех жизненных проблем россиян, они кажутся без права на инициативу.

Участники фокус-группы от НКО-группы отметили несколько завышенные оценки опрошенных НКО, поскольку, как выяснилось, эти оценки давали преимущественно представители молодежных организаций (2009 г. был Годом молодежи, позволившим их организациям активно реализовать многочисленные проекты в области). Но в последующем, при более глубоком анализе члены НКО-сектора подтвердили наличие позитивного тренда более комфортного и свободного позиционирования НКО-сообщества в поле публичной политики своего региона: *«Мы выявили, что в анкетах представлен не критический подход. Реально ситуация более сложная и противоречивая, чем в срезе... Но когда мы начали разбирать ситуацию по пунктам, то пришли к общему согласию. Действительно, в Курске существует неплохая инфраструктура для развития публичной сферы. Курск находится в "золотой середине", и, хотя оценки выставлены более 5 баллов, оценки Курской области реально находятся между 4 и 5 баллами, что действительно соответствует реальному положению дел... Теперь по поводу оценок курских НКО. Я бы не согласилась, что нас надо очень высоко оценивать. Здесь тоже "золотая середина" или чуть выше "золотой середины"...»*

В целом, все участники фокус-группы подтвердили объективность полученных количественных оценок состояния публичной политики в своей области, которые занимают «золотую середину» в пространстве визуализации ее интегральных оценок. Опыт функционирования публичной политики в области позволил подтвердить вывод о том, что публичная политика получает свое полное выражение в утверждении определенного «местного порядка». По мысли французского социолога Е. Фридберга, она являет собой «относительно автономное политическое создание, которое осуществляет на своем уровне регулирование конфликтов между заинтересованными сторонами, а также обеспечивает артикуляцию и приводит в соответствие их индивидуальные и коллективные цели и интересы» [1]. В области не наблюдаются тенденции противопоставления региональных акторов поля публичной политики федеральным. Корпоративистские тенденции, когда политико-административный режим пытается встроить институты гражданского общества (профсоюзы и общественные объединения бизнеса, партии, СМИ и др.) в вертикаль власти, не выражены столь

деструктивным образом, как в ряде других регионов России, где были выявлены *разрывные факторы* проявления публичной политики. Что это значит для существа понимания публичной политики? Она по своей сути призвана управлять теми последствиями *разрегулирования* общества, которые порождаются корпоративисткой политикой. Можно вполне согласиться с тем, что корпоративистские модели представительства интересов, когда в политике действует ограниченное число принудительных, неконкурирующих, иерархически упорядоченных и функционально различных образований, которые получают одобрение или лицензируются государством и стремятся к монополии на представительство интересов в соответствующей области, толкают общество по направлению нарастания неравновесия. Это порождает «проблемы», «дисфункции» или «обратные эффекты», которые, в свою очередь, становятся объектами публичной политики. По сути, публичная политика противостоит той социальной асимметрии, которую создает чрезмерная корпоративизация общества, когда интересы корпорации приходят в противоречие с интересами развития территории или местного сообщества. Какие это имеет социально-политические последствия? По точному наблюдению французских исследователей публичной политики Пьера Мюлле и Ив Сюреля, «всякое *секторизованное* общество [социологическим выражением понятия «сектор» является корпорация – М.М.] всегда сталкивается с проблемами социальной связанности. Такое общество неизбежно сталкивается с угрозами дезинтеграции. Однако это имеет место в том случае, когда оно оказывается неспособным преодолеть межсекториальные противоречия и антагонизмы. Именно эти угрозы призвана преодолевать публичная политика» [5].

В случае проведенного исследования вполне очевидно, что те регионы, в которых выявлены *центрированный* (или *партнерский*) типы публичной политики, стремятся к сбалансированному учету взаимных интересов и ожиданий, диалогу и, соответственно, взаимному конструктивному взаимодействию во имя решения задач устойчивого развития своей территории или местного сообщества. Так, в случае с Курской областью темпы прироста валового регионального продукта снизились за время кризиса всего на 3,5 %, а по России – на 8,5–8,7 %. В целом, за 2001–2009 гг. удалось сохранить положительную динамику развития промышленного производства области. За последние три года ежегодный прирост промышленного производства держится на уровне 2–5 % [2]. Самое важное, что бюджет Курской области на 2010 г., как и в последние годы, социально ориентирован. Объем финансирования социально-культурной сферы из консолидированного бюджета области за последние 9 лет составил более 77 млрд руб. Доля расходов на эту сферу в расходной части бюджета возросла с 34 % в 2000 г. до 52 % в 2009 г., а в 2010 г. она составила более 60 % [5]. Думается, в немалой степени этим позитивным результатам способствует положительное качество публичной сферы и публичной политики, которые сложились в данном регионе.

Таким образом, приведенные выше данные свидетельствуют, что потенциал и ресурс публичной политики являются важным фактором устойчивого развития территорий и позитивной консолидации местного сообщества, а также способствуют формированию высокой мотивации основных акторов поля публичной политики в направлении креативной модернизации.

Библиографический список

1. *Галкин А. А.* Федерализм и публичная сфера в России / А. А. Галкин, П. А. Федосов, В. С. Валентей, В. Д. Соловей // Политические исследования. – 2001. – № 4. – С. 54.
2. *Дремова Л. А.* Особенности инновационного процесса развития малого предпринимательства в Курской области / Л. А. Дремова // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России : мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. – Курск : Изд-во КГУ, 2007. – С. 109.
3. *Капинос С. В.* Россия и Курский край: проблемы и перспективы развития / С. В. Капинос // Вестник философии и социологии Курского государственного университета. – Курск, 2010. – № 4. – С. 4–5.
4. *Курск.* – 2010. – № 1 (спец. вып.). – С. 122.
5. *Cobb R. W.* The Political Uses of Symbols / R. W. Cobb, C. D. Elder. – New York. 1983.
6. *Friedberg E.* Le pouvoir et la regles / E. Friedberg. – Paris, 1993.

7. *Habermas J.* The Public Sphere – Readings in Contemporary Political Sociology / J. Habermas. – Oxford, 2000. – P. 288–299.

8. *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit / J. Habermas. – Berlin : Luchterhand Verlag, 1971. – S. 17.

9. *Muller P.* L'analyse des politiques publiques / P. Muller, Y. Surel. – Paris, 1998. – P. 13–14.

10. *Rhodes R. A.* The New Governance without Government / R. A. Rhodes. – Understanding Governance Policy Networks, Governance, Reflexivity and Accountability. – Maidenhead : Open University Press, 2003. – P. 46–63.

ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

О.В. Будовская
(Россия, Астрахань)

Аннотация. *Из всех сил, сопротивляющихся федерализму, этнический национализм является самым опасным. Федерализм может быть эффективным средством решения проблем, связанных с межэтническими конфликтами. У конфедераций различных этнических государств есть много шансов на успех. Федерации, построенные на основе этнических принципов, несут угрозу гражданской войны, а полиэтнические конфедерации представляют собой только угрозу дезинтеграции компонентов.*

Annotation. *Of all forces resisting federalism ethnic nationalism is the most dangerous one. Federalism can be an effective remedy of the decision problems connected with interethnic conflicts. The confederations of the different ethnic states have more chances of success. The federations constructed by an ethnic principle, bear threat of civil war, but polyethnic confederations is only treat of disintegration for components.*

Ключевые слова: *этнический национализм, федерализм, полиэтнические конфедерации, эгоцентрическая форма, разделение властных полномочий.*

Key words: *ethnic nationalism, federalism, polyethnic confederations, egocentric form, division of imperious powers.*

Этнический национализм – наиболее эгоцентричная форма национализма, на его основе труднее всего возвести систему конституционного соучастия во власти. Теория федерализма предполагает национализм на базе согласия, которое делает возможным как разделение властных полномочий, так и соучастие в их отправлении. Создатели истинного федерализма с самого начала приняли территориальный принцип построения государства как единственно легитимную основу гражданского самоуправления общества.

Следует остановиться на усиленно навязываемой националистами концепции «титულიной нации». Очевидно, что единственный смысл понятия «титულიная нация» заключается в различении среди населения страны особой группы с целью последующего закрепления за ней специальных преимуществ. Назовем такой подход принципом «титულიной нации». В качестве формального основания такого различения берется зависимость между названием государства и названием этноса, как будто эта связь является природным, изначально установленным законом, а не общественно-исторической тенденцией. Очевидно, что это мифологизация вопроса, в основе которой лежит придуманная мистическая связь между страной и названием этноса.

Состояние этнонационального вопроса в современных условиях таково, что он чаще усиливает влияние негативных тенденций на состояние государства и общества, ограничивает права и свободы граждан. Провоцируют и политики: одни, используя лозунги демократии и прав человека, обосновывают идеи отрицания наций-этносов, отчитываясь на решении национального вопроса и провозглашая формирование исторической общности – многонационального народа Российской Федерации, другие подменяют демократические начала формирования власти этнодиктатурой, отрицая возможность эволюции этнического сознания на основе принципов демокра-